

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович – доктор юридических наук, профессор; заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр-кт В.О., 57/43; v.vvaas@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4445-1682>); заслуженный юрист Российской Федерации

АЛЕКСЕЕВ Георгий Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр-кт В.О., 57/43; Deltafox1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3720-0105>)

МУЙЗИНИК Наталья Васильевна – кандидат социологических наук, декан факультета международных отношений и политических исследований Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр-кт В.О., 57/43; muyzinik-nv@ranepa.ru)

ДОВЕРИЕ К ОППОЗИЦИИ В УСЛОВИЯХ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ: ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Защищенность национальных интересов и конституционных свобод в значительной степени определяет доверие граждан как к действующей публичной власти, так и к структурам оппозиции. В условиях цифровизации демократия остается безальтернативным политическим режимом, обеспечивающим устойчивое развитие. Правовые гарантии демократии призваны обеспечивать плюрализм, политическое участие граждан, а также способность оппозиции реализовывать власть в национальных интересах. Исследование доверия граждан к оппозиции, работающей в виртуальном пространстве, требует сочетания методов дискурсивного анализа и включенного наблюдения для анализа логики избирателей, делающих ставку против партии власти, с одной стороны, и заинтересованных в защищенности национальных интересов – с другой. Цели исследования доверия к системной и несистемной оппозициям определяются необходимостью совершенствования современной модели функционирования ответственных и работоспособных альтернативных лидеров внутри политического класса. Виртуальная повестка дня цифрового политического пространства обуславливает изменение форматов борьбы за власть. Вместе с тем доверие граждан к власти и оппозиции, несмотря на цифровизацию, продолжает подчиняться психологической, гуманитарной логике, где значима индивидуальная мотивация лидеров мнений. Специфика электронной демократии состоит в необходимости перманентной гуманизации и актуализации повестки дня во избежание популизма и ретропических практик, несущих в себе угрозы для успешной реализации внешней и внутренней политики государства.

Ключевые слова: власть, полиархия, государство, ретропопия, цифровизация, виртуальная повестка.

Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш (*António Guterres*), обращаясь к мировому сообществу по случаю Дня прав человека 10 декабря 2021 г., отмечал: «Поляризация подрывает демократические институты. Наука и разумность в осаде. Все это подрывает доверие между людьми и демократическими лидерами <...> Нападкам на правду и факты часто способствуют цифровые технологии и социальные сети с бизнес-моделями, основанными на зависимости, возмущении и беспокойстве»¹. Поляризация политического пространства способствует усилению внесистемной оппозиции и суще-

¹ Secretary-General's message on democracy. 2021. URL: <https://www.un.org/press/en/2021/sgsm21075.doc.htm> (accessed 26.05.2022).

ственно осложняет отношения между властью и оппозиционными институтами, которые ответственны за эффективность публичного контроля.

В условиях «электронной демократии» [Electronic Democracy 2012; Saldich 1979], которая сложилась с внедрением широкополосного вещания и компьютерных сетей, у политического класса появились новые возможности для удержания власти посредством цифровых медиа и «слабого искусственного интеллекта» [Lieto 2021], способного сохранять и обрабатывать большие данные, а также принимать решения за счет способностей машинного обучения. Новые технические возможности власти способны усилить как финансовый, так и политический контроль, который, очевидно, несет в себе угрозу фундаментальным правовым ценностям, таким как демократия и права человека. В условиях электронной демократии угроза глобального «цифрового концлагеря» [Мерзляков 2021] нависла именно в связи с усилением публичного контроля при недоверии к элитам. В данной ситуации актуален призыв А. Гутерреша к тому, чтобы «взаимный страх сменился взаимным доверием. Доверием к ценностям, которые нас объединяют, и доверием к учреждениям, которые служат нам и защищают нас»¹. Верно и то, что демократию невозможно навязать извне, сформировать «фантомами» [Тощенко 2015], насадить силой в нарушение международного права. Вместе с тем электронная демократия позволяет управлять доверием граждан за счет выбора технологических систем, а значит этики восприятия, повестки дня и дискурса власти, которые запрограммированы в электронных устройствах.

Кризис доверия к политическому классу

Разрастание коррупции и активизация деструктивных (экстремистских) сообществ в условиях электронной демократии определяется не столько качеством цифровых медиа, сколько ошибками в их применении. Внедрение концептуально новых технологий искусственного интеллекта (пусть и слабого) в политические процессы, смоделированные до цифровой трансформации, приводят к системным аберрациям в оценках политической реальности. Как показывают работы известного британского социолога Зигмунта Баумана (*Zygmunt Bauman*), использование старых социальных практик в новых технологических условиях приводит к сокращению числа жизненных альтернатив и угрожает ретротопией [Bauman, Donskis 2016; Bauman 2017]. Верная утопическому духу, ретротопия стремится исправить недостатки нынешнего социального порядка путем воскрешения неудавшихся и забытых практик из прошлого [Bauman, Donskis 2016; Bauman 2017]. Ретротопия – это новая форма утопии, сопряженная с ностальгией, где прошлое признается настоящим и исключает формирование прогрессивного будущего, т.к. не может быть ничего лучше прошлых свершений, открытий и побед.

Архаическая логика политической борьбы в условиях цифровой трансформации является следствием использования ранее полученного коллективного опыта и исторической памяти для управления политическим выбором аудитории цифровых медиа, однако «память о настоящем», где «апокалипсис становится комической оперой» [Matsuda 1996: 37], не способствует взаимному доверию граждан, власти и оппозиции. Цифровые технологии при этом позволяют формировать виртуальную повестку дня за счет контента, не имеющего привязки к конкретному времени, и обеспечивают доверие посред-

¹ Речь на церемонии приведения к присяге при вступлении в должность. Доступ: <https://www.un.org/sg/ru/content/sg/speeches/2016-12-12/secretary-general-designate-antonio-guterres-oath-office-speech> (проверено 06.06.2022).

ством дезориентации граждан в отношении реальности. При ретротопическом мышлении ставки избирателей на действующую власть или системную оппозицию в равной степени необоснованы, постепенно девальвируются и лишаются смысла, т.к. реальная политика направлена в прошлое. Реализация права на развитие невозможно, когда в массовом сознании закручивается спираль недоверия из фейковых новостей (*fake news*) [Osmundsen et al. 2021], утопических идеалов прошлого и несбывшихся чаяний граждан.

Доверие избирателей к власти и оппозиции является результатом политической культуры и может определяться как рациональным расчетом, так и иррациональным принятием фактов на веру. Известный немецкий политолог Марк Хуг (*Marc Hooghe*) утверждает, что существует только одна форма доверия [Hooghe 2011], в то время как Марк Уоррен (*Mark E. Warren*) различает стратегическое и моральное доверие, признавая актуальность концепции Рассела Хардина (*Russell Hardin*) о доверии как рациональном выборе граждан [Democracy and Trust 1999]. Политический морализм Эрика Усланера (*Eric M. Uslaner*) [Uslaner 2002] и социология Петра Штомпки (*Piotr Sztompka*) [Sztompka 2000] относительно ставки доверителя на определенное поведение другого лица постоянно сталкиваются с возражением американских политологов, что цинизм в основе демократии не располагает к доверию [Citrin, Stoker 2018].

Правовая культура взаимного доверия власти и системной оппозиции в условиях цифровой трансформации определяются тем, что, с одной стороны, сохраняется значение фундаментальных юридических правил и «для демократической политической системы невозможно обойтись без норм, регулирующих свободные и регулярные выборы, свободу средств массовой информации, многопартийность» [Честнов 2017: 9], а с другой — цифровые технологии создают собственное правовое поле, основанное на социально-технологических нормах, устоявшихся в сетевых отношениях. В силу того, что внедрение программного обеспечения невозможно без доверия граждан (пользователей) к морали внутри конкретных технологических систем, политические процессы в условиях электронной демократии подчиняются логике «правового морализма» американского правоведа Майкла Мура (*Michael S. Moore*): либо правила имеют естественноправовую природу, либо свобода (*right to liberty*) экзистенциально необходима [Moore 2004]. Очевидно, что перспективы использования натуралистических теорий при анализе информационных систем с человеко-машинным интерфейсом обоснованы свободой выбора технических разработок пользователем. Предпочтение пользователем конкретных компьютерных программ определяется доверием к ним в смысле теории рационального выбора [Кириленко, Алексеев 2021; Sztompka 2000; Democracy and Trust 1999].

Политическая культура при электронной демократии обусловлена технологиями искусственного интеллекта и подчиняется логике стратегического доверия граждан к власти [Democracy and Trust 1999]. В американской политической науке доказано, что «аффективная поляризация является движущей силой растущей поляризации элиты» [Diermeier, Li 2019] и голосование при электронной демократии определяется аффектом, а не рациональным выбором. Политические лидеры имеют партийную мотивацию [Diermeier, Li 2019]. Партия власти с помощью цифровых технологий получает возможность контролировать граждан: их перемещения, поисковые запросы, просмотренный контент и финансовые траты. Однако и оппозиция овладевает новыми формами контроля над государственной властью; она создает коалиции для подготовки и принятия политических решений, а также выявляет коррупционные практики власти, рассказывая о них гражданам в интерактивной форме.

Электронная демократия предполагает использование участниками избирательного процесса цифровых технологий не только в процессе голосования, но и на стадии предвыборной агитации, а также в процессе контроля за соблюдением электорального законодательства. Негативное влияние электронного голосования на доверие к власти определяется логикой оппозиции, которая на практике обосновывает свое поражение сомнительными технологическими приемами обработки голосов избирателей. Если рассматривать гражданина как потребителя цифровых технологий, создающих виртуальное пространство электронной демократии, то неизбежными представляются маркетинговые манипуляции со стороны разработчиков оборудования, программного обеспечения и форматов пропаганды, которые в итоге приводят к тому, что известный немецкий социолог Джордж Ритцер (*George Ritzer*) характеризует термином «макдональдизация» [Ritzer 1993]. Предопределенность политического выбора наряду с популизмом, ориентированным на массового потребителя, отрицательно сказываются на легитимности демократического режима, приводя к массовому оппортунизму [Кириленко, Алексеев 2018].

Электронная демократия отличается высоким уровнем медиатизации власти [Володенков 2016; Кириленко, Шамахов, Алексеев 2019], требует особого внимания к вопросам защиты свободы слова и национальной безопасности, предполагает доступ системной и несистемной оппозиций к политической информационной инфраструктуре и цифровым технологиям. Рациональный технический контроль за выборами призван не позволить оппозиции использовать доверие своих избирателей для снижения авторитета решений, принятых посредством демократических процедур, однако на практике система электронной демократии работает иррационально. Поскольку оппозиционная повестка складывается по поводу уже прошедших выборов, постольку влияние цифровых технологий на демократию носит ретропический характер. Ввиду того, что машины очень хорошо научены сохранять информацию, но не понимают социальной психологии, они ошибаются в прогнозах, т.к. не способны предвидеть революционные изменения в обществе, подчиняющиеся законам диалектики. Хаотический машинный анализ прошлого опыта неизбежно приводит к иррациональной связи между прошлым и будущим, властью и системной оппозицией, создавая политическое пространство для несистемной оппозиции, демонстрирующей возможности для злободневных социальных трансформаций.

Традиционный постмодернистский эпатаж, популярный в цифровой среде социальных сетей, предполагает формирование иррациональной повестки дня, которая направлена в прошлое и оперирует мифами и «массовыми страхами» [Lowry, Nio, Leitner 2003]. Французский философ Жан Бодрийяр (*Jean Baudrillard*) в своей монографии «Симулякры и симуляция» начинает главу «Растущий труп» с провокации, утверждая, что «университет пришел в упадок, будучи нефункциональным в социальном плане рынка и занятости, лишенным культурной сущности и целенаправленности знания. Даже власть, строго говоря, больше не существует: она также пришла в упадок» [Baudrillard 1981]. Бодрийяр так пишет в начале 80-х гг. XX в. Тогда кризис доверия к университетам и власти еще не был связан с цифровизацией. Если в процессе цифровизации государственная политика оценивается экспертным сообществом и избирателями как имитация [Тошенко 2012], использующая типичный медийный цикл «проблема – внимание» [Waldherr 2014], то и новостные волны в основном обусловлены адаптивным поведением журналистов к меняющейся электронной среде, где доминирует креативный класс, который обязан быть злободневным, а значит работает на несистемную оппозицию.

Доверие к оппозиции в демократических и гибридных режимах

Ставки на выборах, которые делают партия власти, оппозиция и избиратели, рассчитаны на гибридные условия борьбы за власть, где, помимо мотивации избирателей к голосованию за лидеров, существуют административный ресурс и система влияния на электоральные процедуры со стороны власти и финансовых элит. Представительную демократию от гибридных и авторитарных режимов отличает наличие оппозиции в элитах и парламенте, а также широкое участие граждан в политической жизни страны. Под воздействием цифровых технологий представительная демократия, которую Роберт Даль (*Robert Alan Dahl*) характеризует как полиархию [Dahl 1971], обретает виртуальное измерение, где в формате социальных сетей возникают и развиваются политические лидеры, элиты и политические институты. Статус элит в виртуальном пространстве обеспечивается широким кругом сетевых свобод, а также делиберативной этикой в опосредованных цифровыми технологиями отношениях между лидерами мнений и их целевой аудиторией.

В западной политической науке сложилось представление, что присущая оппозиции слабость является свойством «режимов за пределами либеральной демократии» [Helms 2021]. В гибридных режимах системная и несистемная оппозиции формируются на основе реального положения дел в обществе, а значит, возникновение оппозиции по отношению к любой власти является результатом действия естественного права [Кириленко, Алексеев, Пацек 2019]. Гибридный характер электронной демократии определяется набором из трех функций, которые реализуют оппозиционные партии: это осуждение, мобилизация инакомыслия и сигнализация о преемственности [Bertrand 2021]. Неспособность системной оппозиции при гибридных режимах брать власть в свои руки открывает широкие возможности для несистемной оппозиции [Челнокова 2020].

Принципиально различать доверие к правительству, доверие к лоббистам и доверие к оппозиции. Очевидно, что «спад доверия к власти уменьшит свободу действий правительства в отношении политики в гораздо большей степени, чем эквивалентное падение доверия к бизнесу уменьшит способность субъекта бизнеса получать прибыль или формировать государственную политику» [Peters 2016]. Падение рейтинга доверия к системной оппозиции ниже 20–25% с высокой степенью вероятности приводит к гибридизации демократии, аналогичное падение рейтинга партии власти обычно не снижает качество демократии, но приводит оппозицию во власть, лоббисты обычно доверие оплачивают, нанимая журналистов, политиков и лидеров мнений. Если исходить из того, что изменения уровня доверия к оппозиции является результатом событийной политической повестки дня, то лоббисты, формируя повестку, призваны обеспечивать относительный паритет доверия к власти и системной оппозиции, защищая демократические ценности.

Понимание политического доверия в условиях полиархии определяется не столько задачами конкретного дискурса, оперирующего термином «ставка» в отношении поведения политических партий и их лидеров, сколько субъектным составом того политического и правового отношения, где это доверие возникает между избирателями и элитами. Исследование проблемы политического доверия продемонстрировало различные подходы к взаимоотношениям политического класса и электората. В контексте доверия к структурам, оппонировавшим власти, представляется рациональным, что электорат, совершая выбор в пользу оппозиции, во-первых, стремится продемонстрировать недовольство сложившимся актуальным политическим порядком, а во-вторых, признает существование ответственной и договороспособной оппозиции.

Политическая альтернатива власти может быть представлена как парламентской политической партией или коалицией (системной оппозицией), так и радикальным (революционным) движением, нацеленным на смену политического режима в стране (несистемная оппозиция). Несистемная оппозиция всегда тяготеет к экстремизму.

Электронная демократия для несистемной оппозиции создает определенно больше возможностей, т.к., во-первых, информационное пространство универсально и можно работать из-за пределов государственной юрисдикции, а во-вторых, виртуальная повестка дня позволяет реализовать больше креативных способностей оппозиционных лидеров. При электронной демократии лишь отчасти актуальна теория «общества Юргена Хабермаса (*Jürgen Habermas*) и его концепция делиберативной демократии, имеющая в своей основе дискурсивное согласие всех членов общества по жизненно важным социальным вопросам» [Пархоменко 2012; Habermas 1992], т.к. теперь общество разделено цифровым разрывом между теми, кто пользуется Интернетом, и теми, кто полагается на качество телевизионной журналистики. Виртуальная повестка дня разделяет всех членов общества на сопричастных к медийному дискурсу либералов и мало знакомых с цифровыми технологиями консерваторов.

Виртуальная повестка дня формируется в гибридных режимах журналистикой цифровых медиа в интересах оппозиции. Защищаясь от доминирования политической пропаганды государства, оппозиционные структуры создают свою альтернативную повестку дня, используя особенности электронной демократии. Во-первых, в соответствии с тезисом Маршалла Маклюэна (*Herbert Marshall McLuhan*) относительно того, что «медиа являются сообщениями сами по себе» (*medium is the message*) [McLuhan 1967], создаются специальные медиаресурсы под принципиально важные сообщения. Во-вторых, виртуальная повестка всегда упрощает реальность, т.к. практически по всем вопросам «посредством применения современных технологий массовой политической коммуникации в общественном сознании формируются редуцированные модельные представления о социально-политической действительности» [Володенков 2016: 125]. В-третьих, виртуальная повестка основана на диалоге и конфликте с партией власти, т.к. «невозможно достоверно понять динамику событий, если она не обсуждается с другими» [Aruguete 2015; 2017].

В поле психологии доверие к оппозиции для части электората является следствием разочарования в отношении ожиданий политических решений власти. Результаты включенного наблюдения за аудиторией ряда оппозиционных телеграм-каналов демонстрируют, что виртуальная повестка используется лидерами несистемной оппозиции для мотивации граждан к протестной социальной динамике. Реальная оппозиция (та часть политического класса, которая к исполнительной власти не допущена, но пытается стать к ней сопричастной или ее обрести) выполняет при демократии роль «привратника» [Lewin 1951], который указывает на ошибки в решениях власти. Цифровые посредники (*media*) и привратники (*gatekeepers*) формируют поле общественного мнения, которое складывается по вопросам повестки дня под влиянием современного формата информационных сообщений. Общественное мнение может быть абсолютно ошибочным, попадая под влияние современных и архаичных стереотипов [Lippmann 1922]. Так, например, существует представление, что Китай является исключением из «доверительных политических практик» [Wu, Wilkes 2018], однако на основе включенного наблюдения и дискурсивного анализа есть все основания полагать, что особенности китайского общественного мнения являются результатом банального страха, лицемерия и того самого классического европейского оппортунизма, о котором писал Макс Вебер (*Maximilian*

Weber) [Кирриленко, Алексеев 2018], безусловно, не без мотивов конфуцианства [Кильдюшов 2015].

Власть обычно проигрывает выборы оппозиции, когда редакционная политика ее медиаресурсов теряет свою актуальность. При этом возникает форма недоверия, «коренящаяся в непонимании практики отбора новостей, <...> [и возникает] недопонимание между медиа и общественностью» [Pingree et al. 2013: 351]. Аргентинский политолог Наталья Аругете (*Natalia Aruguete*) обоснованно полагает, что «цифровые технологии создают динамичный мониторинг рейтинга для тех политических решений, которые становятся основой для поляризации общественного мнения» [Aruguete 2015; 2017]. Объективность рейтинга как отражение доверия граждан требует не только взаимодействия власти и реальной оппозиции для понимания реакции электората на политические решения, но и разделения функций при формировании повестки дня для субъекта принятия решения (власть) и «привратника» (оппозиция). Фокус в том, что если системная оппозиция не справляется с функцией привратника, то ее место занимает несистемная оппозиция, которая при этом резко усиливается, а революционные настроения в обществе нарастают.

Признание того очевидного факта, что доверие граждан к политической оппозиции является либо результатом приверженности избирателей к определенным взглядам (например, экологическая, зеленая повестка), либо обусловлено кризисом доверия к власти и логикой протестного голосования, приводит к постановке двух политических задач для реальной оппозиции: подорвать доверие к партии власти и сформировать собственную повестку дня. Поскольку исследования показывают «неоднозначное отношение населения к процессам цифровизации, которая, с одной стороны, имеет ряд преимуществ, а с другой стороны, не обеспечивает желаемого результата» [Белый 2021: 126], постольку виртуальная повестка дня не способна решить задачи оппозиции сама по себе. Если оппозиция стремится прийти к власти, то ей требуются не только ошибки конкурентов, но собственные успехи за пределами виртуальной повестки.

Гибридные режимы стремятся избежать перехода власти к оппозиции и формируют свою виртуальную повестку дня. Когда власть и оппозиция при электронной демократии меняются местами, и власть, и оппозиция сохраняют доверие части своего электората. Есть все основания полагать, что популизм отрицательно сказывается на стратегическом доверии к власти, в то время как оппозиции его готовы прощать. На практике ретротопия – типичная патология популизма, использующая прошлые достижения как основание будущих решений. Помимо реакционного выбора прошлого, при ретротопии господствует стремление власти полагаться на цифровые технологии, порождающее «антиинтеллектуальные настроения» и «популистскую риторику» [Merkley 2020: 24]. При популизме всегда «обращают на себя внимание различия между декларируемыми намерениями и реальными действиями» [Ушкин 2012: 86], в результате цифровизации появляются еще и системы автоматического реагирования на меняющуюся повестку дня (боты) [Carboni 2019], которые усиливают ретроградную ригидность партии власти.

Статус оппозиции в условиях электронной демократии

Положение оппозиции во многом определяется доверием к информационным ресурсам оппозиционных партий. Оппозиция не может бороться за власть без подконтрольных ей средств массовой коммуникации, точных инструментов изучения общественного мнения, авторитетных лидеров мнений. Доверие к оппозиции характеризуется ее способностью создавать повестку дня, реагировать на изменения общественного мнения, реализовывать привилегии,

связанные с участием в процессе политической борьбы. Данные показатели доверия позволяют отличать электронную демократию от гибридных политических режимов.

Доверие к системной оппозиции в условиях делиберативной демократии является ставкой электората на победу оппозиционной партии, в свою очередь, при гибридной демократии оппозиция не может эффективно осуществлять власть, а значит, голосование за системную оппозицию в действительности является протестным. В условиях делиберативной демократии политическая борьба предполагает консенсус власти и оппозиции по вопросам повестки дня [Fishkin 2009; Habermas 1992], однако электронная демократия и цифровизация создают условия для формирования несистемной оппозицией виртуальной повестки. В гибридных политических режимах оппозиция часто порождается самой властью, и способы обращения власти с оппозицией, и методы противодействия со стороны оппозиции аналогичны [Михайленок, Щенина 2015: 24]. И поскольку системная оппозиция следует в фарватере навязанной правительством повестки дня и собственных влиятельных медиаресурсов не имеет, постольку гибридные режимы уязвимы для альтернативной виртуальной повестки дня, созданной новыми медиа.

Результаты включенного наблюдения за механизмами действия электронной демократии показывают, что при цифровизации растет контроль власти над системной оппозицией, в ответ структуры несистемной оппозиции активно формируют недоверие к власти. Если согласиться с тем, что в процессе цифровизации «форсирование внедрения технологий в перспективе делает [человека] бесполезным и экономически нерентабельным», а «вещи начинают действовать» и «решают все большее количество задач, которые ранее решал человек» [Орлова 2020: 128], то логика оппозиции при электронной демократии становится predetermined. Несистемная оппозиция обеспечивает доверие со стороны своих последователей эмоционально-психологическими средствами. Так, например, «исламизм особенно силен... как оппозиционное массовое движение» [Гринин, Коротаяев 2019: 81]. Массовый гуманитарный или религиозный оппозиционный дискурс способен создать социальное поле для доверия к оппозиции или недоверия к власти, спровоцировать массовый протест. Электронная теократия может стать опасным гибридным режимом, т.к. не позволит достичь целей в области устойчивого развития ООН¹.

При электронной демократии власть отвечает обеспокоенности оппозиции на рациональном технологическом или административно-правовом уровне. Во-первых, любая чрезвычайная повестка, на которую власть способна адекватно реагировать, повышает доверие к правительству. Так, например, экономический кризис в Греции показал, что эффективное управление школами и больницами повышает доверие к власти [Ellinas, Lamprianou 2014]. Во-вторых, в гибридных режимах власть стремится «стратегически вызвать фрагментацию оппозиции», назначив некоторых оппозиционных лидеров на государственные должности. Данные о выборах в африканских странах в 1990–2016 гг. показывают, как «предыдущая кооптация оппозиционных политиков связана с более фрагментированным оппозиционным полем на последующих выборах» [Arriola, Devago, Meng 2021: 1358]. В-третьих, гибридные режимы «используют новые цифровые технологии, известные как боты в социальных сетях, для достижения политических целей» [Stukal et al. 2022]. Использование ботов, поддерживающих режим, приводит к снижению способности лидеров системной

¹ Цели в области устойчивого развития. Доступ: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (проверено 27.05.2022).

оппозиции сформировать повестку дня для электронной демократии, однако постепенно нарастает понимание ретроградности власти и растет доверие к несистемным партиям.

Цифровая трансформация и доверие к несистемной оппозиции

Президент РФ В.В. Путин в интервью ТАСС от 17 марта 2020 г., рассуждая об оппозиции в России, небезосновательно считает, «что и системная нужна, и несистемная нужна. <...> Но бардак нам не нужен, и шоу нам не нужно – нам нужна серьезная политическая деятельность»¹. Он также отмечает, что российская парламентская оппозиция в 90-е гг. XX в. принимала «решения, которые были невозможны к исполнению»². Если патриотизм, ответственность и реалистичность – необходимые условия для достижения власти системной оппозицией, то «шоу» необходимо для участия граждан в процедурах электронной демократии ввиду того, что если они не участвуют в формировании повестки дня, то они и не доверяют власти.

Показатели доверия к оппозиции определяют качество демократии и позволяют оппозиционным лидерам активно участвовать в политической борьбе. Политическая просьюмеризация в условиях доминирования ретротопической логики в правовом и политическом сознании большинства избирателей приводит к острому дефициту прогрессивных идей на политическом рынке, причем инновационные формы политической коммуникации, восполняя потребность в прогрессе, способствуют реинкарнации старых стереотипов политического мышления, при которых цензура, образ врага и вера в сверхъестественное не только существенно сужают возможности политической оппозиции по завоеванию доверия граждан, но и провоцируют протесты.

При электронной демократии вчерашние решения сегодняшних проблем не выглядят морально устаревшими в политическом сознании электората благодаря новым технологическим решениям, создающим иллюзию прогресса. Доверие политического просьюмера всегда предсказуемо, т.к. повестка дня производится по его заказу, однако сами новости становятся все более виртуальными, и конфликт между реальным положением дел и виртуальной повесткой дня постепенно нарастает. Несистемная оппозиция в условиях «дефицита доверия» [Peters 2016] к политическому классу демонстрирует различия между виртуальной повесткой дня и реальным положением дел. Конфликт между виртуальной и событийной повесткой дня способен провоцировать рост доверия граждан к несистемной оппозиции.

Цифровой разрыв в политическом и правовом сознании электората происходит в результате работы «привратника», которым постепенно становятся сетевые ресурсы (блоги, подкасты, телеграм-каналы), формирующие альтернативную реальность, отражающую абсурдность ретротопии. Постепенное формирование внутри технологических систем иррациональной повестки дня, которую вынуждена воспринимать и системная оппозиция, приводит к поляризации демократического режима, радикализации и усилению рационального доверия к несистемной оппозиции по мере того, как внутри аппарата государства цифровые технологии и виртуальная реальность подменяют рациональные политические цели невыносимой тягой к прошлому.

¹ Об оппозиции – системной и не только (интервью В.В. Путина ТАСС). Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/62997> (проверено 27.05.2022).

² Там же.

Список литературы

- Белый В.А. 2021. К вопросу о доверии к электронным государственным сервисам: по результатам исследований в Санкт-Петербурге. — *International Journal of Open Information Technologies*. Т. 9. № 12. С. 126-132.
- Володенков С.В. 2016. Медиатизация и виртуализация современного пространства публичной политики. — *Коммуникология*. Т. 4. № 4. С. 125-136.
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В. 2019. Политические аспекты современного исламизма. — *Полис. Политические исследования*. Т. 28. № 6. С. 81-94.
- Кильдюшов О.В. 2015. Макс Вебер как исследователь конфуцианской этики. — *Социологическое обозрение*. Т. 14. № 3. С. 106-112.
- Кириленко В.П., Алексеев Г.В. 2018. Легитимность демократии в работах Макса Вебера и Карла Шмитта. — *Правоведение*. Т. 62. № 3. С. 501-517.
- Кириленко В.П., Алексеев Г.В. 2021. Измерение политического доверия в условиях современной демократии. — *Управленческое консультирование*. № 10(154). С. 22-34.
- Кириленко В.П., Алексеев Г.В., Пацек М. 2019. Естественное право и кризис либерального правопорядка. — *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. Т. 10. № 1. С. 38-54.
- Кириленко В.П., Шамахов В.А., Алексеев Г.В. 2019. *Свобода слова и медиабезопасность*. СПб: Изд-во СЗИУ РАНХиГС. 440 с.
- Мерзляков С.С. 2021. Российский IT-специалист: между «цифровым концлагерем» и «технологическим гуманизмом». — *Вопросы инновационной экономики*. Т. 11. № 4. С. 1543-1556.
- Михайленок О.М., Щенина О.Г. 2015. Власть и несистемная оппозиция как субъекты политического согласия. — *Власть*. № 7. С. 24-29.
- Орлова И.Б. 2020. Акторно-сетевая теория и социальная практика. — *Социс. Социологические исследования*. № 7. С. 128-137.
- Пархоменко Р.Н. 2012. Теория делиберативной демократии Ю. Хабермаса. — *Философия и культура*. № 4(52). С. 40-49.
- Тощенко Ж.Т. 2012. Новые лики деятельности: имитация. — *Социс. Социологические исследования*. № 12(344). С. 23-36.
- Тощенко Ж.Т. 2015. *Фантомы российского общества*. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 668 с.
- Ушкин С.Г. 2012. Новая виртуальная оппозиция: кто она? — *Социс. Социологические исследования*. № 9(341). С. 86-90.
- Челнокова М.Л. 2020. Несистемная оппозиция в современной России: этапы трансформации и технологии политической деятельности. — *Общество: политика, экономика, право*. № 11(88). С. 30-34.
- Честнов И.Л. 2017. Конституция: диалектика универсального и контекстуального. — *Труды Института государства и права Российской академии наук*. Т. 12. № 1. С. 9-21.
- Arriola L., Devaro J., Meng A. 2021. Democratic Subversion: Elite Cooptation and Opposition Fragmentation. — *American Political Science Review*. Vol. 115. Is. 4. P. 1358-1372.
- Aruguete N. 2015. *El poder de la agenda. Política, medios y público*. Buenos Aires: Editorial Biblos. 199 p.
- Aruguete N. 2017. The Agenda Setting Hypothesis in the New Media Environment. — *Comunicación y Sociedad*. Núm. 28. P. 35-58.
- Baudrillard J. 1981. *Simulacra and Simulation*. Semiotext. 164 p.
- Bauman Z. 2017. *Retrotopia*. Cambridge: Polity. 180 p.
- Bauman Z., Donskis L. 2016. *Liquid Evil*. Cambridge: Polity. 192 p.

- Bertrand E.M.A. 2021. Opposition in a Hybrid Regime: The Functions of Opposition Parties in Burkina Faso and Uganda. – *African Affairs*. Vol. 120. Is. 481. P. 591-610.
- Carboni G. 2019. European Virtual Politics: Capitalizing on Immigration. – *Politeja*. No. 6(63). P. 153-166.
- Citrin J., Stoker L. 2018. Political Trust in a Cynical Age. – *Annual Review of Political Science*. Vol. 21. Is. 1. P. 49-70.
- Dahl R.A. 1971. *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven: Yale University Press. 272 p.
- Democracy and Trust* (ed. by M.E. Warren). 1999. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 370 p.
- Diermeier D., Li C. 2019. Partisan Affect and Elite Polarization. – *American Political Science Review*. Vol. 113. Is. 1. P. 277-281.
- Electronic Democracy* (ed. by N. Kersting, M. Stein, J. Trent). 2012. Verlag Barbara Budrich. 203 p.
- Ellinas A.A., Lamprianou I. 2014. Political Trust in Extremis. – *Comparative Politics*. Vol. 46. Is. 2. P. 231-250.
- Fishkin J.S. 2009. *When the People Speak: Deliberative Democracy and Public Consultation*. Oxford University Press. 256 p.
- Habermas J. 1992. *Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats*. Frankfurt a. M. 667 s.
- Helms L. 2021. Introduction: The Nature of Political Opposition in Contemporary Electoral Democracies and Autocracies. – *European Political Science*. Vol. 20. Is. 4. P. 569-579.
- Hooghe M. 2011. Why there Is Basically Only One Form of Political Trust. – *The British Journal of Politics & International Relations*. Vol. 13. Is. 2. P. 269-275.
- Lewin K. 1951. *Field Theory in Social Science: selected theoretical papers* (ed. by D. Cartwright). N.Y.: Harper & Row. 346 p.
- Lieto A. 2021. *Cognitive Design for Artificial Minds*. London, UK: Routledge, Taylor & Francis. 136 p.
- Lippmann W. 1922. *Public Opinion*. Harcourt, Brace & Co. 427 p.
- Lowry D.T., Nio T.C.J., Leitner D.W. 2003. Setting the Public Fear Agenda: A Longitudinal Analysis of Network TV Crime Reporting, Public Perceptions of Crime, and FBI Crime Statistics. – *Journal of Communication*. Vol. 53. Is. 1. P. 61-73.
- Matsuda M.K. 1996. *The Memory of the Modern*. Oxford University Press. 262 p.
- McLuhan H.M. 1967. *The Medium Is the Massage: An Inventory of Effects*. Random House. 159 p.
- Merkley E. 2020. Anti-Intellectualism, Populism, and Motivated Resistance to Expert Consensus. – *Public Opinion Quarterly*. Vol. 84. Is. 1. P. 24-48.
- Moore M.S. 2004. *Objectivity in Law and Ethics: Essays in Moral and Legal Ontology*. Aldershot, U.K.: Dartmouth Press. 430 p.
- Osmundsen M., Bor A., Vahlstrup P., Bechmann A., Petersen M. 2021. Partisan Polarization Is the Primary Psychological Motivation behind Political Fake News Sharing on Twitter. – *American Political Science Review*. Vol. 115. Is. 3. P. 999-1015.
- Peters M. 2016. Governing in a Trust Deficit. – *Business and Politics*. Vol. 18. Is. 3. P. 199-223.
- Pingree R.J., Quenette A.M., Tchernev J.M., Dickinson T. 2013. Effects of Media Criticism on Gatekeeping Trust and Implications for Agenda Setting. – *Journal of Communication*. Vol. 63. Is. 2. P. 351-372.
- Ritzer G. 1993. *The McDonaldization of Society*. Thousand Oaks: SAGE Publications, Inc. 309 p.
- Saldich A.R. 1979. *Electronic Democracy: Television's Impact on the American Political Process*. N.Y.: Praeger. 122 p.

Stukal D., Sanovich S., Bonneau R., Tucker J. 2022. Why Botter: How Pro-Government Bots Fight Opposition in Russia. – *American Political Science Review*. P. 1–15. Doi:10.1017/S0003055421001507.

Sztompka P. 2000. *Trust: A Sociological Theory*. Cambridge University Press. 228 p.

Uslaner E.M. 2002. *The Moral Foundations of Trust*. Cambridge University Press. 298 p.

Waldherr A. 2014. Emergence of News Waves: A Social Simulation Approach. – *Journal of Communication*. Vol. 64. Is. 5. P. 852–873.

Wu C., Wilkes R. 2018. Local-national Political Trust Patterns: Why China Is an Exception. – *International Political Science Review*. Vol. 39. Is. 4. P. 436–454.

KIRILENKO Viktor Petrovich, Dr.Sci. (Lgal), Professor, Head of the Chair of International and Humanitarian Law, North-West Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa) (57/43, Sredny Ave V.O., St. Petersburg, Russia, 199178; v.vvaas@yandex.ru), Honored Lawyer of Russian Federation

ALEKSEEV Georgiy Valer'evich, Cand.Sci. (Legal), Associate Professor of the Chair of Law, North-West Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa) (57/43, Sredny Ave V.O., St. Petersburg, Russia, 199178; Deltafox1@yandex.ru)

MUYZINIK Natalya Vasil'evna, Cand.Sci. (Soc.), Dean of the Faculty of International Relations and Political Studies, North-West Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa) (57/43, Sredny Ave V.O., St. Petersburg, Russia, 199178; muyzinik-nv@ranepa.ru)

TRUST IN OPPOSITION UNDER ELECTRONIC DEMOCRACY: LEGAL AND POLITICAL ASPECTS

Abstract. The protection of national interests and constitutional freedoms largely determine citizens' trust in executive power and in opposition. Democracy remains the only political regime that ensures sustainable development in the context of digitalization. The legal guarantees of democracy are designed to ensure pluralism, political participation, as well as the ability of the opposition to use its power to protect national interests. The study of citizens' trust in operating in virtual space opposition uses a combination of discursive analysis and participant observation to analyze the logic of voters who stake against the party in power, on the one hand, and who commit to national interests, on the other hand. The objectives of the study of trust in the systemic and non-systemic opposition are determined by the need to improve the functioning of responsible and efficient alternative leaders within the political class. The virtual agenda of the digital political space causes the transformation of the formats of the struggle for power. At the same time, the trust of citizens in the authorities and in the opposition, despite digitalization, continues to obey the psychological, humanitarian logic, where the individual motivation of opinion leaders is significant. The specificity of e-democracy lies in the need for permanent humanization and updating of the agenda in order to avoid populism and retrotopia practices that threaten the successful implementation of the foreign and domestic policy of the state.

Keywords: power, polyarchy, state, retrotopia, digitalization, virtual agenda
